

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

*Составитель
и ответственный редактор
Д.Д. ТУМАРКИН*

2

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2003

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)615-4
Р41

*Книга подготовлена и издана при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проектам № 00-01-24016 и 02-01-16148*

*Издательство благодарит за содействие в издании книги
Институт практического востоковедения
(г. Москва)*

Выпуск 2

Редактор издательства
Т.М.Швецова

Репрессированные этнографы : Вып. 2 / Сост. и отв. ред.
Р41 Д.Д.Тумаркин. — М. : Вост. лит., 2003. — 495 с. : ил. —
ISBN 5-02-018321-0 (в пер.).

Во втором выпуске «Репрессированных этнографов» (вып. I — 1999 г., повторное издание — 2002 г.) рассказывается еще о 17 репрессированных этнографах, внесших большой вклад в отечественную науку.

Читатель встретит на страницах книги множество ученых, контактировавших с героями статей, их друзей и противников, познакомится с деятельностью давно исчезнувших научных учреждений и организаций, почерпнет интересные сведения об особенностях развития этнографии и смежных наук в советский период.

ББК 63.3(2)615-4

ТП-2003-1-43
ISBN 5-02-018321-0

© Д.Д.Тумаркин, составление, 2003
© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН,
2003

От составителя

В 1999 г. при финансовом содействии РГНФ вышел в свет сборник «Репрессированные этнографы» (вып. I), в котором рассказывается о двенадцати безвинно пострадавших ученых¹. Книга была высоко оценена специалистами² и вызвала большой общественный резонанс. В Институт этнологии и антропологии (ИЭА) РАН и к ее составителю стали обращаться правозащитные организации, музеи краев и областей, где находились основные острова архипелага ГУЛАГ, историки, этнографы, журналисты, родственники лиц, подвергшихся репрессиям, с просьбой помочь в приобретении книги (весь ее тираж был распродан за считанные недели). А те, кто прочитал сборник, призывали продолжить эту работу, сообщали факты и наблюдения, прямо или косвенно относящиеся к теме книги.

Столь большой общественный интерес, проявленный к сборнику, послужил стимулом к расширению исследований по этой проблематике. Некоторые их результаты представлены в книге, предлагаемой вниманию читателей.

«Нравственный долг нынешнего поколения российских этнографов, — писал автор этих строк во вступительной статье к публикации 1999 г., — вернуть из небытия незаслуженно забытые имена своих предшественников, восстановить ранее замалчивавшиеся страницы биографии тех, кто прошел сквозь тернии сталинских репрессий. Это необходимо и как предварительное условие для воссоздания истории этнографической науки в СССР во всей ее полноте и доподлинности»³.

Можно взглянуть на проблему и шире: такие исследования нужны для осознания преемственности в истории отечественной этнографии, без чего едва ли возможно ее плодотворное развитие. В постсоветский период проявились две крайности. С одной стороны, некритическое отношение к научному наследию советской эпохи и связанный с этим эпигонский догматизм в преподавании и публикациях. С другой стороны, иногда наблюдаются фактическое отрицание заслуг предыдущих поколений отечественных этнографов, нигилистический подход к научным традициям, идеологические повороты на 180 градусов и как резуль-

тат — безоглядное следование западной (преимущественно американской) этнографической моде⁴.

Полагаю, что большинство современных российских этнографов, особенно те, кто занимается конкретными исследованиями, с уважением относятся к трудам своих предшественников, хотя и не закрывают глаза на негативные последствия репрессий, политизации и огосударствления науки, в полной мере проявившиеся в сфере этнографии начиная с 1930-х годов. Но как отделить полезные злаки от плевел? Что взять с собой из опыта минувшего века на этнографический «корабль современности»? Ответить на эти непростые вопросы помогают историографические исследования, если их авторы стремятся к объективному освещению предмета, опираются на документы и достоверные факты.

Разумеется, для воссоздания общей картины развития этнографической науки в советский период недостаточно рассказать о жизни и трудах репрессированных ученых. Этнографию творили также десятки и сотни талантливых исследователей, избежавшие репрессий. Среди них выделяются корифеи — ученые мирового уровня, дело которых продолжили их многочисленные ученики. В ИЭА начата подготовка публикаций об этих выдающихся исследователях. Но без адекватного учета пока еще недостаточно известного, а порой и вовсе забытого вклада, который внесли в историю советской этнографии репрессированные коллеги, картина ее развития будет неполной, даже искаженной.

В книге публикуются статьи, посвященные жизненному пути и трудам 17 этнографов. Это специалисты по народам Сибири, Севера и Дальнего Востока Г.М.Василевич, Е.А.Крейнович, Г.В.Ксенофонтов, А.Н.Липский, Г.М.Токмашев, В.В.Чарнолуцкий, сибиревед и исследователь социальной организации первобытного общества А.М.Золотарев, знаток восточноевропейской и общей этнографии Б.А.Куфтин, специалист по народам Поволжья и Приуралья Т.А.Крюкова, кавказоведы С.П.Басария и Е.Т.Гюзаян, специалист по методологическим проблемам этнографии, религиовед и фольклорист А.М.Маторин, турколог Н.Н.Мартиневич, исследователи культуры народов Южной Азии А.М. и Л.А.Мерварт, американист и специалист по общей этнографии Ю.П.Петрова-Аверкиева, основоположник отечественной школы этнической ономастики В.А.Никонов. А.М.Маторин и Ю.П.Петрова-Аверкиева были, кроме того, видными организаторами науки. Некоторые из героев книги погибли, другие (таких большинство), пройдя через тюрьмы, лагеря и ссылки, выжили и после реабилитации вернулись в науку, но пережитое не могло не наложить отпечаток на их дальнейшую жизнь и деятельность.

Диапазон общественно-политических взглядов этих ученых очень широк. Среди них были убежденные коммунисты, беспартийные «спецы» и идейный противник советской власти Н.Н.Мартиневич, который, подвергшись репрессиям, в 1922 г. навсегда покинул страну. Абхаз С.П.Басария, якут Г.В.Ксенофонтов и телеут Г.М.Токмашев в первые послереволюционные годы активно участвовали в национальных движениях, за что и поплатились впоследствии, в годы массовых репрессий. Но каковы бы ни были общественно-политические взгляды и социальнo-психологические ориентации этих исследователей, они преданно служили науке и, несмотря на выпавшие на их долю суровые испытания, оставили в ней глубокий след.

Почти все герои книги были специалистами широкого профиля. Их научные интересы не ограничивались этнографией, а распространялись и на смежные области знания. А Б.А.Куфтин и А.Н.Липский, поселившись после освобождения далеко от Москвы, занялись преимущественно археологическими изысканиями. Мультидисциплинарный подход, характерный для подавляющего большинства этих ученых, способствовал высокому уровню их исследований, не только вошедших в историю науки, но и зачастую не утративших своего значения до наших дней.

Чтобы обеспечить максимально возможную объективность, члены авторского коллектива стремились избегать политических оценок, рассматривали жизненный путь и творчество репрессированных этнографов в контексте современной им эпохи и достигнутого тогда уровня научных знаний. Но главное, что могло обеспечить объективность, — это следование надежно установленным фактам, извлеченным из всех доступных источников. Авторы статей, опубликованных в сборнике, широко использовали архивные документы, в том числе из архивов бывшего КГБ, внимательно изучили книги и периодику того времени. Интересные материалы получены от родственников и потомков репрессированных ученых, их друзей и сослуживцев. В ряде случаев удалось дополнить данные письменных источников воспоминаниями этих людей — бесценными свидетельствами ушедшей эпохи. Р.Ш.Джарылгасинова, Т.В.Лукьянченко и Э.Л.Нитобург, которым довелось общаться со своими героями, включили в ткань повествования и личные воспоминания.

Особое место занимает очерк С.И.Вайнштейна о А.Н.Липском — пожалуй, самом неоднозначном и противоречивом персонаже сборника. В основу этой несколько беллетризированной работы положены воспоминания самого Липского, записанные в 1952 г. автором статьи, а также их многолетняя переписка.

В постсоветский период в российской этнографической науке утвердился теоретико-методологический плюрализм, и это не могло не отразиться на статьях сборника. Внимательный читатель обнаружит некоторые различия в оценке как отдельных ученых, так и процессов, происходивших в отечественной этнографии в советский период. При этом все члены авторского коллектива, несомненно, стремились к объективности и привлекали в поддержку своих интерпретаций весомые факты. Нужно, однако, учитывать, что научная объективность — категория довольно условная, в немалой степени определяемая, зачастую неосознанно, идейно-теоретическими взглядами автора. В этом отношении характерна статья О.Ю.Артемовой, которая, не ограничившись избранным сюжетом, предложила свою трактовку особенностей изучения теоретических проблем первобытности советскими учеными, а также высказалась за приоритетное развитие эмпирических исследований, порождающих отдельные «озарения», но не теоретические концепции⁵.

Нельзя не согласиться с мнением О.Ю.Артемовой о несостоятельности моргановской схемы эволюции социальных институтов первобытности, воспроизведенной в общих чертах в книге Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; об этом писали уже, как отмечает сама О.Ю.Артемова, некоторые отечественные этнографы. Но значит ли это, что в принципе невозможно создать иную схему, не противоречащую фактическим данным этнографии и смежных наук? Дискуссии по данному вопросу (как части более широкой мировоззренческой проблемы признания или отрицания общих закономерностей всемирно-исторического процесса — от первобытного человеческого стада до наших дней) велись в мировом научном сообществе на протяжении XX в.⁶; полагаю, продолжатся и в новом столетии. Такого рода дискуссии и вообще пристальное внимание к вопросам теории весьма актуальны для нынешнего поколения российских этнографов как противовоидие от сползания к бескрылому эмпиризму и философскому агностицизму. «Очарование и трудность современной науки, — писал в 1993 г. И.С.Кон о перспективах развития отечественной этнографии, — состоят в том, что философская рефлексия, которой раньше можно было избежать, хотя по-настоящему большие ученые этого никогда не делали, сегодня необходима постоянно, она не только сопутствует эмпирическому исследованию, но часто опережает его. И от этого мы никуда не денемся, хотим мы того или нет»⁷.

Как и первый сборник «Репрессированные этнографы», эта книга густо населена. Читатель встретит на ее страницах множе-

ство ученых, контактировавших с героями статей, их друзей и противников, других членов отечественного сообщества этнографов, познакомится с деятельностью давно исчезнувших научных учреждений и организаций. В книге содержится интересная информация, углубляющая наши познания об особенностях процесса развития этнографии в СССР, например о различиях и соперничестве между ленинградской и московской этнографическими школами, о возникновении этнографического музееведения в Армении и т.д.

Материалы обоих сборников дают представление и о «вкладе» самих этнографов в развернувшиеся репрессии. Известно немало случаев, когда видные ученые старались уберечь от преследований своих собратьев по этнографическому цеху, с немалым риском для себя помогали попавшим в беду коллегам и их семьям. Но, к сожалению, есть и противоположные примеры. Речь не идет о вынужденных оговорах, полученных у арестованных ученых с помощью самых изощренных методов физического воздействия: мало кто мог выдержать эти пытки. Так, Е.А.Крейнович в жалобе Генеральному прокурору СССР и в заявлении на имя К.Е.Ворошилова писал, что после восьмидневного непрерывного допроса, сопровождавшегося «унижением и потрясениями психики», он под давлением следователей «подписал на людей клевету, о которых ничего не знал»⁸. Но, случилось, коллег ставили под удар из мести, ревности или карьеристских побуждений. Например, в 1937 г. несколько сотрудников Государственного музея этнографии были арестованы «по доносу коллег»⁹. Сотруднице Музея антропологии и этнографии (МАЭ) Г.М.Василевич после освобождения и возвращения на прежнее место работы приходилось встречаться с теми, «по чьей вине, в том числе доносам» она была арестована и приговорена к десяти годам лишения свободы¹⁰. Другая сотрудница МАЭ, Н.Г.Шпринцин, сберегла ценнейший архив Е.А.Крейновича, который боялась хранить его родная сестра. Но почти одновременно та же Шпринцин, сама оставаясь на свободе, способствовала аресту и осуждению своей приятельницы, тоже этнографа, Н.И.Гаген-Торн. Когда Нина Ивановна вернулась по амнистии в Ленинград, она привела Шпринцин в прокуратуру, где та опровергла свои наветы, что ускорило полную реабилитацию невинно пострадавшей коллеги¹¹.

Приведенные примеры (их можно продолжить) заставляют задуматься об этической составляющей в профессии этнографа. Его деятельность в какой-то мере сопоставима с деятельностью врача, который, как известно, дает «клятву Гиппократу» и должен руководствоваться основополагающим принципом «не на-

вреда». Но если медики имеют дело с отдельными пациентами, реже — с группами больных, то в сфере компетенции этнографов находятся народы или их локальные группы, а также межэтнические отношения. В постсоветской России политическое доносительство, по крайней мере в сообществе этнографов, пока, слава Богу, не актуально. Но опасно и недопустимо всякое проявление в этой среде национализма, шовинизма и расизма¹². Такие проявления могут не только нанести серьезный ущерб престижу профессии этнографа в нашей стране, но и, распространяясь как вирус по разным каналам, вызывать негативные сдвиги в общественном сознании, способствовать усилению межэтнической напряженности.

В наши дни сохраняют актуальность «Десять заповедей этнографа», сформулированные в 20-х годах одним из основоположников ленинградской этнографической школы Л.Я.Штернбергом: «<...> Не делай себе кумира из своего народа <...> Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной <...> Не профанируй науки, не оскверняй этнографию карьеризмом <...> Почитай великих предшественников, учителей в научной и общественной жизни, дабы и тебя чтили по заслугам твоим <...> Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего, на другие народы <...>»¹³. Эти заповеди — надежный нравственный ориентир для нынешнего и будущих поколений отечественных этнографов.

Как руководитель проекта выражаю признательность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовое содействие в подготовке и издании этой книги.

¹ Репрессированные этнографы. Составитель и ответственный редактор Д.Д.Тумаркин. Вып. I. М., 1999 (2-е изд. — М., 2002).

² См., например: *Тендрякова М.В.* [Рец. на]: Репрессированные этнографы. Вып. I. М., 1999. — ЭО. 1999, № 5, с. 169—172; *Knight N.* "Salvage Biography" and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror. — *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. Spring 2000. Bloomington, Indiana. Vol. 1, № 2, p. 365—375. Статья представляет собой развернутую рецензию на сб. «Репрессированные этнографы» (вып. I).

³ От составителя. — Репрессированные этнографы. Вып. I, с. 3.

⁴ Американский историк науки Н.Найт в рецензии на сборник «Репрессированные этнографы» выделяет поставленные в нем (пусть не всегда напрямую) кардинальные проблемы преемственности и отношения к научному наследию советской эпохи. Он задается вопросом, не предпочитают ли современные российские этнографы «отбросить советское прошлое как ничего не стоящий тоталитарный мусор и, приняв гегемонию англо-американской теории, присоединиться к своим западным коллегам в туманных лабиринтах постмодернистской антропологии» (*Knight N.* "Salvage Biography", p. 367). Что касается авторов сборника, то, как отмечает Найт, они содержанием и подтекстом своих статей отрицательно отвечают на этот вопрос.

⁵ *Артемова О.Ю.* А.М.Золотарев: трагедия советского ученого. — Наст. изд., с. 222.

⁶ См.: *Семенов Ю.И.* Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999, гл. 2.

⁷ *Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы. — ЭО. 1993, № 1, с. 4.

⁸ *Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А.Крейнович: жизнь и судьба ученого. — Наст. изд., с. 62.

⁹ *Решетов А.М.* Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А.Крюковой. — Наст. изд., с. 286.

¹⁰ *Ермолова Н.В.* Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич. — Наст. изд., с. 30.

¹¹ *Гаген-Торн Н.И.* Мемория. М., 1994, с. 116; *Гаген-Торн Г.Ю.* Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт. — Репрессированные этнографы. Вып. 1, с. 330.

¹² См. об этом в моем отклике на статью: *Tishkov V.A.* U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition. — *Current Anthropology*. February 1998, vol. 39, № 1, с. 11—12.

¹³ *Гаген-Торн Н.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — СЭ. 1971, № 2, с. 142—143.